

В. Э. Борисов-
Мусатов.
Отблеск заката.
1904

Забутые мелодии

Краски живые — краски России... Что дала усадьба живописи, что живопись дала усадьбе? Вызывайте в памяти имена, листайте страницы летописи русского искусства: от екатерининского времени и до «серебряного века» нашей живописи, поэзии, музыки пролягут труды и вдохновения художника, связанные с дворянской усадьбой, жизнью, ее наполнявшей, природой, давшей ей дух и плоть. Поистине тема усадьбы в русской живописи — в значительной мере сама русская живопись. Это Россия и русский человек в его связях с течением времен, преемственностью поколений, осознанием своего места и отчего дома на земле.

В этой изобразительной летописи десятки, а то и сотни имен художников хрестоматийно известных и художников, чья подпись на холсте сегодня мало что скажет. Через их творчество прошли возвышение, расцвет, угасание русской усадьбы. Во все периоды усадебной жизни живописец, как некий измеритель, регистрировал тонус ее эмоционального, духовного бытия. В этом выпуске альманаха — слово о художнике, который с проникновенной, щемящей поэзией выразил ощущение закатной поры русской дворянской усадьбы, — о Викторе Эльпидофоровиче Борисове-Мусатове (1870—1905).

Мы приводим высказывание о худож-

нике его современника — перед вами страницы из книги *Н. Н. Врангеля «Борисов-Мусатов»* (Спб., 1910):

«Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» — вот фраза Чехова, относящаяся не только ко всему русскому укладу вообще, но главным образом к русскому человеку его времени. Целое поколение поэтов и художников конца XIX и начала XX века воспело языком красок, линий и слов печальную мечту, воспоминания о прошлом и тоску от действительности. Красивым стало то, что ушло, и эхо казалось прекраснее музыки... Сомов, Александр Бенуа, Бакст, Рерих закрывали глаза на действительность, думая о прошлом. Их греза любила все, что исчезло, все то, что составляло достойные и красоту другого времени и другой культуры. Но среди всех поэтов былого выделяется один, совсем особняком, маленький больной горбун Борисов-Мусатов. Он не певец какой-либо эпохи, как некоторые другие его современники. Элемент исторической были почти отсутствует в его произведениях. В его творчестве сплелись и перепутались разные моменты бытия, разные отблески и отражения, разные люди и разные мечты. Мусатов, грезя о прошлом, не живет в определенной эпохе, не составляет часть какого-либо исторического момента. Он — последний звук бесконечно далекой мелодии, оборвавшейся в наше время. Он совсем особенный, ни на кого не похожий, большой ребенок, милый и трогательный своей детской наивной душой... В какую эпоху, так, как на его картинах, одевались, печалились, мечтали? Кто эти девушки с полными слез глазами и о чем тоскуют они? Это греза Мусатова нарядила прежних людей в вышедшие из моды старинные платья. Это рука Мусатова писала их так, как их писали итальянские фресковые живописцы в XV столетии. В этом смешении стилей и эпох Мусатов самостоятельный оригинальный художник среди всех своих русских современников.

Другая особая черта этого замечательного мастера — совсем исключительное, слепое очарование женственностью. Жизнь его была невыносимо тяжелым испытанием, и он болезненно жадно грезил о нездешнем рае. Кто же та женщина, которую так нежно любил и воспевал Мусатов? Кто она, эта бледнолицая, грустноокая, зачарованная сказкой печальница? Она всегда грустная; даже в хороводе подруг она кажется одинокой. Ее ласкали прежде, ласкали когда-то давно, но теперь никто не смеет к ней прикоснуться. Теперь на земле новые женщины и для них нужны и новые ласки...

Есть художники, жизнь которых

является как бы сценическим воплощением их художественных мечтаний. Они сопереживают бытие тех героев, о которых рассказывают языком красок, они переносят на холсты своих картин ту правду, которая мучает, радует и волнует их. Смотри на их произведения, видишь их самых — соучастниками тех красочных снов, которые они воплотили в искусстве. Они стараются забыть; они думают, что, рассказывая о нездешнем мире, сами станут жителями другой земли... его картины кажутся застывшей музыкой, видениями радужного океана, вылившего свои волны в образы природы и людей.

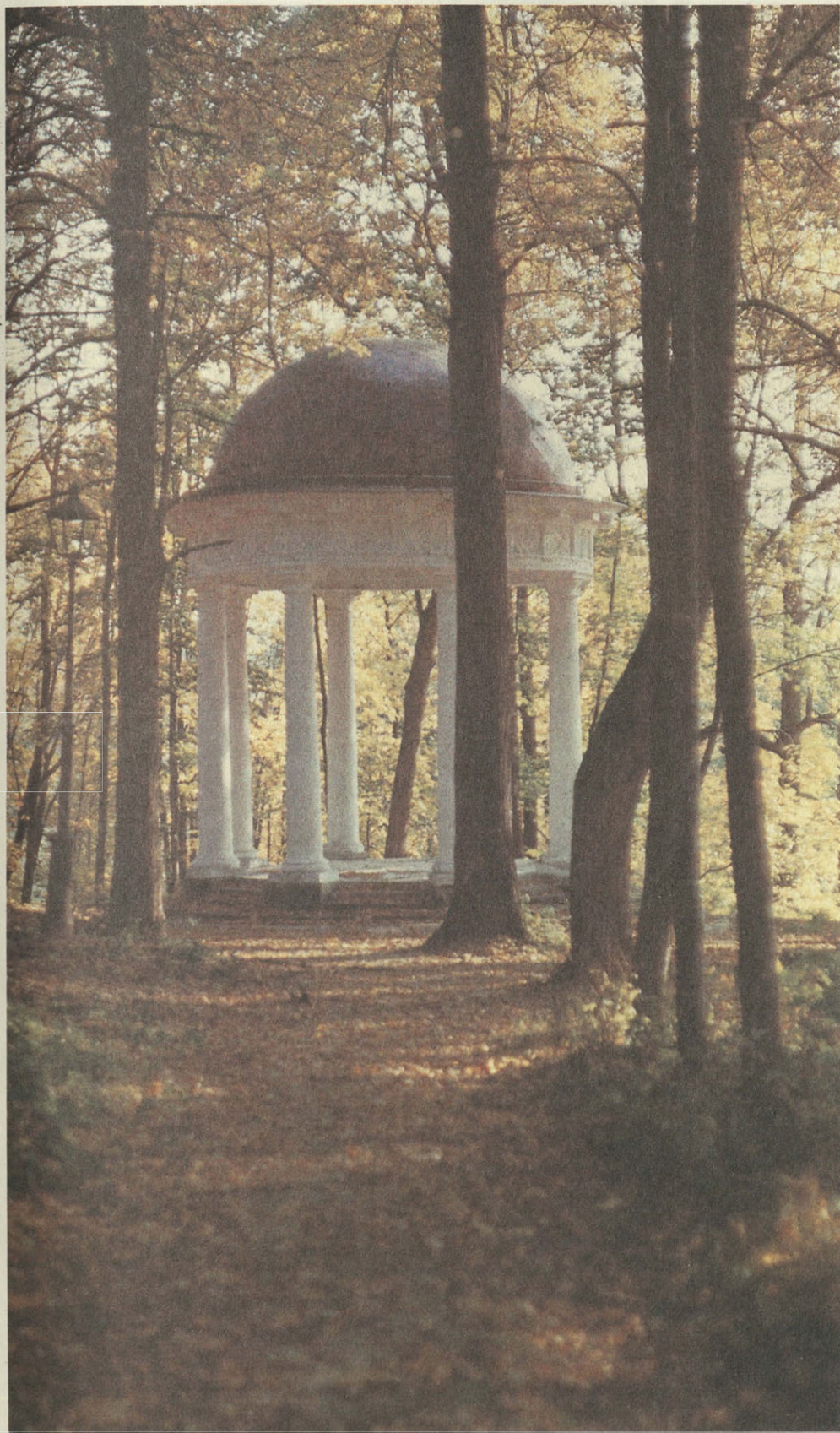
...Вы знали это имение в Саратовской губернии, старую тихую Зубриловку с большим покойным домом? Мусатов провел здесь свои лучшие годы. На его холсте — в парке, под сенью деревьев, две девушки. Они светлые — светлые такие же, как зубриловский дом, который виден в отдалении. Они грустные, как грустны эти деревья, завороженные тишиной. Они милы, как мил этот дом, и их нет, так же как нет теперь этого дома. В жизни бывают таинственные и страшные совпадения: через несколько дней после смерти Мусатова (незадолго до кончины художник поселился в Тарусе, там умер и похоронен. — *Ред.*) крестьяне сожгли зубриловский дом, сожгли парк, все разрушили, истребили. И тень поэта призраков потеряла свой приют.

И еще — из слова *Андрея Белого* в память *Борисова-Мусатова* («Розовые гирлянды», журнал «Золотое руно», 1906, № 3):

«...Велика власть чар музыкальных в произведениях Борисова-Мусатова, — власть чар ласковых да улыбчивых. Вихрь звуков, тихая зеркальность напевов мелодийных, нарастая, повисли в пространствах души внимающей, — и словно осадились росами холодными мусикийские вздохи; и в туманности чар зачалась симфония облаков, шелка и розовых-розовых гирлянд... Вечно поющая струна рыдала в душе Мусатова, и берега его творчества не определились для нас. Его песня то как райская птица на «суку извилистом и чудном» качалась над дедовским домом, то, распустив паруса облачные свои, улетела к иным берегам, в эпохи иные.

...Все творчество его — заревые гирлянды. Мы видели, как сплетались гирлянды эти, как поплыли на вечерней заре, как рассыпались розы на шелковых платьях музыкой менуэта».

Рубрику ведет В. Ольшевский

Суханово.
Беседка